

Лев Дуров.
Удивительно
обаятельный,
остроумный
собеседник. Легко
сердится и тут же
смеется. И работает,
работает...

— В последнее время жаловаться на недостаток внимания не приходится. Буквально за неделю умудрился сняться в фильме «Человек из группы «Альфа» о том самом особом отряде, которому было отведено чуть ли не главное место в путче. Я играю человека, прямо противоположного мне по взглядам, — генерала КГБ (именно он должен был отдать приказ «Альфе» о выступлении). Благодаря съемкам смог побывать в самой Лубянке (согласитесь, свободно и, главное, добровольно войти и выйти оттуда удается не каждому). Посидел в кабинете Дзержинского, даже укладной полегал на кровати, где отдыхал Андропов. Видел и внутреннюю лубянскую тюрьму, окно камеры А. И. Солженицына. Очень интересно, хотя особо восторженных чувств все эти места не вызывают.

А следующая роль, на которую я уже утвержден, еще более неожиданная. В фильме «Серые волки» буду играть, вы только не удивляйтесь.

Лев Дуров:

«УЖ ЛУЧШЕ ПЕТЬ!»

тес, Анастасия Микояна. Уж, кажется, что у меня общего с Микояном. Но какую-то наплепку прилепили, усы приклеили — и... все упало. Одно лицо! Так что мой внешний вид подходит для любой роли — от Л. Толстого до Микояна.

— А с кем из режиссеров вы хотели бы работать?

— Так сложилась судьба, что я много лет работал с А. В. Эфросом. Если кто когда-либо делал что-то с большим мастером, то память об этом остается на всю жизнь. У каждого Мастера есть свое лицо, своя школа, и ты, естественно, становишься ее приверженцем (хотя Эфрос нас и ругал, что мы не принимаем ничего другого, варимся в собственном соку). Я после Эфроса работал со многими режиссерами, но равного ему не видел.

А вообще, у кого бы я хотел сниматься, те меня не берут. Вот, например, у Йоселиани, но он не знает о моем существовании. У Феллини, но он тоже как-то не вспомнил обо мне. Хотел бы работать с Тарковским, но он ушел. У нас были хорошие отношения, он говорил, что я ему нравлюсь как артист, но совместной работы не случилось. Наверное, я не вписывался в его актерский расклад. Говорю это без обиды, такова наша судьба.

— Вы на сцене, на экране более сорока лет. Лучшая роль уже сыграна или еще впереди?

— Лучшая — роль штабс-капитана Снегирева в спектакле «Брат Алеша». Так мне кажется, по крайней мере.

— А отказываться от роли приходилось?

— Вот сейчас прочитал сценарий и жду, когда мне позвонят. Тут-то я и скажу: «Вам не стыдно предлагать такое?» Хотя к сценарию была приложена записка: оплата по договоренности, а это значит — большие деньги. Я живу небогато, машина, которую купил уже на старости лет, собралась развалиться, но нельзя же за деньги заниматься пошлостью!

— А. Абдулов как-то сказал, что он не стал бы таким популярным, если бы не снимался столько, в удачных ли фильмах или в неудачных. А может, лучше сидеть и ждать чего-то грандиозного?

— Да нет. Популярность, конечно, приносит в основном кино. Такую, дамско-девичью. А серьезное признание — театральное. Но я шучу... Тот же Янковский стал известен после больших ролей в кино. Чтобы получить серьезную кинопопулярность, надо сняться в этапной картине. Что такое этапная? Та, которая ломает прежние каноны. Я не очень люблю все наше ретро, ведь по сути это перенесенный на пленку театр, оперетка. Феллини же, Йоселиани, Тарковский творили кино как искусство, со своим своеобразным языком. И прекрасные картины шли при полупустом зале. Люди рвутся к стереотипу, к тому, что они знают.

— Вопрос бестактный, но все же... Вы достигли серьезной известности?

— Думаю, да. Хотя в этапной картине сняться не пришлось, была маленькая роль в «9 дней одного года». Очень известен стал после роли защитника-каратиста в фильме Ю. Гусмана «Не бойся, я с тобой!» (это где я протыкаю одним пальцем железный бак). Пусть этот

фильм и не шедевр, но несет добрую идею. Это уже хорошо.

— В нашей стране все сейчас пытаются заняться бизнесом, с большим или меньшим успехом. А у вас такого желания не возникало?

— Нет ни желания, ни способностей. Наверное, плохо, ведь мог бы с этого что-то иметь. Но я смотрю на лица артистов, которые стали заниматься этим самым бизнесом. Лица-то другие стали, не актерские, а как у людей на бирже: жесткие и немного бегающие от напряжения глаза: «Как бы не проиграться!» (да простят они мне это). Они уже смотрят не в душу, а на биржевой щит. Происходит страшное перерождение.

— И хочу вернуться к вашей режиссерской работе. Многие режиссеры сейчас набирают, если можно их так назвать, «разовые» группы для постановки спектакля.

— У меня такого желания не возникало. Есть в этом что-то звездно-коммерческое. Я себя-то с трудом представляю в такой гастрольно собранной команде, хотя, наверное, замечательно было бы сыграть со «звездами».

— При таком количестве работы — съемки, спектакли — остается хоть немного времени на отдых?

— Знаете, нет. Видно, у меня такой характер. Вы будете смеяться, но я не люблю спать. Когда сплю, злюсь на себя, что время зря проходит. Часто ночью просыпаюсь, читаю или думаю. Я не люблю отдыхать. Однажды Л. Шепитко (я тогда пробовался в ее фильме «Прощание») спросила: «Как остановить Дурова?». Ей ответили: «Не, не надо, он сразу умрет».

— Все мы, привыкшие видеть актеров только на экране, считаем обычно, что лучших магазинов, нудных очередей в вашей жизни не существует. Или все же и вам достается?

— Стою как-то в очереди за молоком. Женщина какая-то обращивается: «Как?! И вы? Вот так стоите?» «Да нет, — говорю. — Знаете, у нас есть свой магазин, актерский, но он — в Спасской башне Кремля. Сейчас там ремонт затеяли, так что пришлось сюда». Она сразу успокоилась... Все думают: «Раз постоянно в телевизоре, значит — привилегированный. Не может же быть такого: его миллионы видели, а он в той же очереди стоит». Смешное заблуждение и наивное. Ведь никакой ценовой разницы между профессиями нет. Просто мы всегда на виду. А в остальном чем я отличаюсь от сталевара? Разве только тем, что у них тяжелее. Хотя, по английской шкале трудности, актеры оказались на пятом месте (первые — шахтеры, на третьем — летчики-испытатели, потом — врачи-гинекологи, а за ними — мы). Поэтому и сгораем так быстро. Но если ты не кладешь жизнь на эти доски, то зачем выходить?

— Бытовая неустроенность сильно мешает?

— Кто-нибудь из социологов подсчитал бы, сколько времени у нас уходит на ненужные дела, которых не существует «там»: например на поиски продуктов вместо того, чтобы думать о роли. Не уверен, чтобы Дастин Хофман убивал много времени на это. Может быть, он поэтому и актер такой, что занимается только своей работой. Роберт Редфордт каждую седьмую садится на лошадь,

чтобы быть в форме, а я — в машину. Еду добывать еду.

— Юрий Цоляков сказал замечательную фразу о том, что мы уже не считаем предателями тех, кто уехал. Теперь бы еще не считать идиотами тех, кто остался.

— Человек вправе решать свою судьбу. Весь мир переезжает, нельзя человека судить за это. А мы все меряем своими идиотскими социалистическими мерками: предатель — не предатель. Уехал человек — ради Бога, вернуться захочет — его право. А это наше воспитание под толпу... Почему нас узнают за границей, даже если мы одеты в шикарные куртки и джинсы и не ругаемся матом? Да по одинаково озабоченным лицам, по глазам.

«Идиоты, кто остались...» А я не хочу никуда ехать. За свою жизнь побывал во многих странах: Марокко, Мексика, Германия, Англия. Очень вписался в Нью-Йорк. Вся жизнь мечтал побывать в Америке. Про Италию как-то знаешь по искусству, Испанию — более менее, Францию — совсем хорошо. Америка же — другой мир. И вот наконец попал туда. Сразу гулять пошел. Друзья кричат: «Куда? Ночью?» А я весь Бродвей пешком прошел. Мне было очень легко в этом городе (хотя по-английски с детства ни слова не знаю). Даже по Гарлему ходил. Ну, опасно. Идет навстречу такой двухметровый черный человек, на лице написано желание гадость сказать. А я сразу стал воздухом хватать, запрокидываться, как припадочный. Пару раз так запрокинулся — больше никто не приставал.

А еще витрины роскошные, и замечательно стоять на 350-метровой высоте и смотреть вокруг. Рядом стоит Джигарханян, спиной ко мне, и, глядя на Манхэттен, говорит: «Лева, Лева, и все это мы с тобой должны были догнать и перегнать». Да... А теперь спросите меня: хочу я там жить?

— Хотите там жить?

— Нет, не мой город. Москва — мой город. То ли корни тянут, то ли могилы за спиной, не знаю.

— Наша жизнь сейчас к особому веселью не располагает, вокруг все или озабочены, или раздражены. А вы каким-то чудом смогли сохранить оптимизм. Как это удается?

— Я сам себя ловлю на том, что все время пою. Хожу и пою, в машине сижу и пою, за кулисами — пою. Это такая защита. Потому что если не петь, то остается только рыдать. Уж лучше петь.

Я больше не хожу на митинги, не хочу орать, не хочу стоять в толпе. У меня есть свой взгляд на положение в стране. Надо идти работать. Делать свое дело, насколько хватает таланта и сил. Тогда все будет: и польза, и преданность Отчеству.

— Чего бы вы себе пожелали?

— Себе — поставить хороший спектакль. Снова и снова перечитываю «Лес» Островского. Хочу показать в нем то, чего еще никто не видел — «лес страстей». Страсти женщины, от которой с возрастом уходит женское начало. Страсти двух актеров. А Петя и Ксюша — это же Ромео и Джульетта. Так что впереди — работа.

Беседу вела
Ю. ШИГАРЕВА.

Фото В. Киселева.

